

О русской национальной школе¹

Александр
Солженицын

Предлагаем вашему вниманию статью
из наследия Александра Исаевича, в которой
он высказал своё мнение
о русской национальной школе.

В конце июня в Москве состоялся всероссийский земский съезд учителей². Такого в России не было с 1911 года. Собрались из 50 регионов до 8000 человек — преподаватели, школьные учителя городские и сельские, работники системы народного образования, преподаватели пединститутов, активные деятели просвещения. И задача их была и цель — как нашу школу вывести из нынешнего кризиса, как оживить её и поставить на твёрдые ноги.

Одна из форм, которая видится Земскому движению, — это создание земской школы, то есть школы государственно-общественной, где и программы, и весь учебный процесс, всё устройство регулируются не только государством, как сегодня, а совместно — государством и местным народным управлением.

Поразительно, что съезд этот не имел никакой поддержки от правительства. Более того, в ряде звеньев государственного аппарата созыв такого съезда встретил сопротивление, как встречают сопротивление вообще всякие попытки народного самоуправления. Вот эта бесчувственность нашей нынешней государственной системы ко всякому живому движению в стране, ко всякому доброму движению — совершенно удручает. Это какой-то мрачный тупик. И что же будет дальше?..

Сегодня бесконечно трудно поверить, что мы сами, только мы сами, усилиями нашими, тихими, повседневными, настойчивыми, плодотворными, медленными, как пчёлы отстраивают улей, сот за сотом, ячей за ячей, — вот так только мы можем поднять всё в России, и в том числе образование.

Земство есть народное самоуправление всех живущих в данной местности. По этому самому смыслу и определению оно внепартийно, внеполитично и вненационально. Во всём, кроме одной оговорки. **Школа не может быть не национальной.** (Выделено нами. — *Ред.*)

Ну, вот мы видели — у нас был блистательный пример советской школы, 70 лет у нас строили вненациональную школу. И гимны пели не толь-

¹ Статья даётся с минимальными сокращениями.

² Речь идёт о земском съезде учителей в 1995 году.

ко о дружбе народов, но и том, что все народы сливаются в один, советский. 70 лет сливались, а потом в один—два дня, когда треснули границы, сразу же во всех республиках стали основывать свои национальные школы. Во всех республиках! И это естественно. И в этом упрекнуть их нельзя, это во всём мире так. В Швейцарии, где я жил, в Германии, во Франции, знаю... Ведь всякая школа строится на национальных принципах, национальных традициях, национальной культуре, национальной истории. Конечно, во взаимодействии и отображении культур других, мировых.

В Америке это принимает уже крайние формы. Мои дети учились в американской школе, там больше двух третей гуманитарного образования посвящены только самой Америке, всё внутри Америки. И какой-нибудь ручей или камень, связанный с Гражданской войной, или отличившийся в ней лейтенант, — более известны, чем крупнейший политический деятель Европы. И когда теперь в Америке печатают мои статьи, то через каждые три—четыре строчки ставят сноску и объясняют читателю: то лицо такое-то, это такая-то личность, такой-то термин, такое-то понятие, такое-то явление. Издатели исходят из того, что читатели не знают.

В каждом американском классе висит американский флаг. И во многих школах произносят ещё слова верности флагу, каждый день. А патриотизма там не только никто не стыдится, патриотизмом дышит Америка, гордится патриотизмом. Америка воодушевлена своим патриотизмом.

Теперь — национальные школы в наших российских автономиях всюду развиваются, как только автономии определились... Но здесь следует сделать два предупреждения. Дело в том, что многие национальные школы автономий России хотят отойти от двуязычия, а дать чисто национальное воспитание на своём языке; русский язык и тем более русская культура и литература оттесняются ими. Так вот тут надо предупредить: с одной стороны, они сами себе утяжеляют, удлинняют, делают мучительным путь к вершинам мировой культуры. Потому что к вершинам мировой культуры через русскую культуру пройти значительно легче, нежели им самим заново искать эту дорогу. А во-вторых, если мы единое государство, то что же это будет? У нас рассыпется единое языковое пространство, рассыпется образовательное пространство, культурное пространство, рассыпется сама Россия. Всё это надо иметь в виду.

Правда, в автономиях есть так называемые «русские школы». Почему «так называемые»? Потому что в большинстве из них русскость состоит только в том, что у них русский язык для преподавания. Но программы в том же Татарстане или Башкортостане — идут о Татарстане или Башкортостане. И русский язык — чем он становится? Становится ли он льготой и простором для русской культуры? Нет. Он становится как бы мостиком для того, чтобы ученик переходил в культуру данной местной автономии, а от русской уходил бы.

Во всём мире национальные школы — естественная вещь. Одни только мы, русские, боимся произнести сочетание «русская национальная школа». И вот, например, в Москве, столице России, даже сейчас две дюжины иностранных школ. Любая иностранная колония устраивает свою школу, их уже много. Русская же национальная школа — одна, и то экспериментальная.

Что значит русская национальная школа? Боже упаси думать, что это значит принимать учеников по этническому принципу. Ничего по-

добного! Принимаются все желающие, но родители, отдавая своих детей, понимают, что программа будет строиться на русской национальной традиции, языке, истории.

О языке я сегодня не стану говорить, потому что это тема отдельного разговора, это боль наша — сегодняшнее состояние русского языка. Мы должны его спасать, иначе вообще скоро будем немые, мы лишимся языка.

Но история наша... У нас будто бы изучали историю в Советском Союзе. Да ничего подобного! Я ещё в своей юности помню — у нас, до моих старших классов, не было даже понятия «история», такого предмета не было, потому что — какая может быть история, если жизнь человечества началась с октябрьского переворота? Отсюда пошла история, а до этого не было истории. Потом — ввели историю. Но как её ввели? Русскую историю вклинили в историю СССР. Отдельными фрагментами, и то, главным образом, — классовая борьба, восстания, что сотрясало и обрекало Россию на революцию. Ощущение тысячелетней глубины, стержня единой истории, культурного, исторического, — всё это убирали. И поэтому сегодняшнее наше взрослое население просто невежественно в русской истории, ничего не знает.

Мы должны написать не просто хорошие исторические учебники, мы должны для старшеклассников составить хорошие хрестоматии, где бы мы учили их на отрывках из наших лучших историков — Карамзина, Соловьёва, Платонова и других, на фрагментах из исторических документов России, приобщали бы их к настоящему духу этой истории.

В школе, о которой я сказал, экспериментальной, в Москве, намечаются такие предметы: русская словесность (это шире, чем литература), история русской книги, выдающиеся люди русской истории. У нас их всех пускали под откос, этих выдающихся людей, кто не нужен по политическим соображениям. А это — огромный предмет, огромная история. Затем — история русской философии. Естественно, всюду в этих школах должно быть краеведение, потому что **краеведение, знание своего края, его истории, истоков его культуры, разнообразных от края к краю, оно наиболее сливает нас с Отечеством своим** и отечественной историей. Само собой — и воспитание нравственное. Нравственное воспитание даже ещё важнее образования.

Среди этих предметов предлагают, например, и такой предмет: гражданское благочестие и российские законы. Слышите, как это необычно звучит и вместе с тем — глубоко. Мы должны воспитывать и гражданина, и семьянина... И потому: гражданское благочестие и российские законы, соотношение гражданина с российскими законами. Этическое воспитание, нравственное, должно открыть все подавленные свойства русского характера, русской души, нашу широту, отзывчивость, открытость, доброту, сострадание, милосердие, — вот этому всему открыть дорогу.

Но, конечно, окунаясь в русскую традицию, не надо закисать на хоровах. Нет, мы должны школу держать на высочайшем современном уровне, и научном, и организационном, и по качеству обучения. Именно теперь, когда наш народ находится в духовном провале, и молодёжь наша особенно, — именно теперь только и важно языковым и традиционным воспитанием сохранить, спасти, дать опору для возрождения нашего национального сознания. Но, конечно, черпая из наших исто-

ков — исторических, культурных, ведя умственное, эстетическое и культурное воспитание, надо всё время соотноситься с другими культурами, надо не дать возможности никаких путей открыть ни для шовинизма, ни для ксенофобии, которые, впрочем, и не присущи русскому народу, никогда не были присущи ему. **А вот если мы будем, наоборот, стараться загонять русское национальное сознание в подвал, то мы вызовем агрессивность.**

Мы при большевиках имели интернационализм, нас воспитывали в интернационализме. Интер-нация. Между нациями. Никакой нации не принадлежать. Садись между двумя-тремя табуретками. Так большевики и сели. Двадцать пять лет пламенел интернационализм. А началась война с Гитлером — что сделали? Весь интернационализм спрятали до последней искорки и — Дмитрий Донской, Александр Невский, Суворов, Кутузов, святые знамёна, — и победили! А спустя время опять: «победил великий социалистический строй». Нет, победили под патриотическими знамёнами. Потому что каждая страна может только на патриотизме, и это мы видим по Америке.

Естественно, что в каждой национальной школе не может не найти места религиозное воспитание. В Пакте ООН о правах человека говорится: «Родители имеют право дать детям религиозное воспитание». Отказать в этом родителям нельзя. В русской школе (естественно, со сбросом на атеизм) те, кто будет выбирать религию, выберут Православие. Значит, оно должно стать в расписание. Ничего нет пугающего для атеистов: надо дать и право факультативного отказа — не хочешь, не ходи. А если в этой местности есть какая-то нация, которая может организовать своё религиозное воспитание, — тоже можно, и тоже — в расписание, и атеисты могут отказываться. Но то, что сегодня нам подаётся под видом возврата к религии, — общее религиоведение, общая культурология, — это эрзац, это мимикрия, в которой бывшие марксисты, оставшиеся без хлеба, ищут себе, в какую форму войти. Это не религиозное воспитание.

Если мы не дадим национального воспитания в школе, если мы не будем воспитывать патриотических чувств, глубины истории нашей тысячелетней в наших детях, то мы и будущую интеллигенцию получим такую, как сейчас, — без связей с национальной традицией, с национальным духом и с глубиной истории. И если когда над Россией, как и над другими странами мира, в XXI веке прогремят военные грозы, то неужели мы можем надеяться, что наш народ пойдёт воевать за права коммерции, за жиреющие банки, за этих грязнохватающих народное имущество? Нет, не пойдёт...

Да что там! В последние годы мы от радикал-демократов слышим слово «патриот» как бранное. Не самое грязное, но предпоследнее по грязи. Самое грязное — «фашист», а предпоследнее — «патриот». И вдруг недавно по телевизору вижу: вождь радикал-демократов, беседуя со своими сотрудниками в преддверии предвыборной кампании, стеснительно так склонив голову, говорит, буквально: «Нам трудно вымолвить, но ведь мы же с вами патриоты». Батюшки! Наконец-то! Схватились! Очнулись! Надолго ли? Или только до следующей избирательной кампании?..